

УДК 159.9

В.Б.Никишина, д-р психол. наук, профессор, КГМУ (e-mail: vbnikishina@mail.ru)

А.И. Ахметзянова, канд. психол.наук, доцент, КФУ (e-mail: vbnikishina@mail.ru)

Е.А. Петраш, канд. психол. наук, доцент, КГМУ (e-mail: petrash@mail.ru)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПРИ ДЕЛИНКВЕНТНОМ ПОВЕДЕНИИ

Представлены результаты исследования психологических механизмов регуляции социальной идентичности лиц, находящихся в местах лишения свободы. С увеличением степени тяжести совершенного противоправного деяния возрастает степень несогласованности структурной организации социальной идентичности у лиц, находящихся в местах лишения свободы, которая поддерживается диссоциативными механизмами. Ассоциативные механизмы обеспечивают структурную согласованность идентичности, что проявляется в принятии собственных действий и приводит к развитию делинквентной идентичности.

Ключевые слова: ассоциативные механизмы, диссоциативные механизмы, социальная идентичность, делинквентная идентичность.

Аргументация исследования ассоциативно-диссоциативных механизмов регуляции социальной идентичности у лиц, находящихся в местах лишения свободы связана с противоречием между общей тенденцией к снижению распространенности делинквентного и криминального поведения в Российской Федерации, отмеченной в последнее десятилетие, с одной стороны, и общей тенденцией увеличения частоты рецидивов и количества повторных судимостей, с другой стороны. Поиск разрешения данного противоречия на социально-психологическом уровне приводит к необходимости изучения особенностей регуляции социальной идентичности лиц, осуществлявших противоправные действия и находящихся в местах лишения свободы [1]. Социальная идентичность при этом выступает интегративным феноменом, проецирующим свое системное влияние на поведение человека, как в варианте нормы социального поведения, так и в варианте нарушенного социального поведения.

Социальная идентичность представляет собой системное интегрированное образование, характеризующее осознание

и переживание индивидом групповой принадлежности, проявляющейся в принятии социальных норм и идентификации себя в устойчивых социально-психологических качествах своего Я [2, 3, 4, 5]. Структурная организация социальной идентичности рассматривается через критерии согласованности / несогласованности. При высоком уровне согласованности структуры идентичности соответствует высокому уровню выраженности социально-психологической адаптации, позитивному самоотношению, стабильной системе ценностных ориентаций, высокому уровню рефлексивности и самостоятельности при низкой авторитарности. Низкий уровень согласованности структуры идентичности характеризуется низким уровнем выраженности социально-психологической адаптации, неустойчивости системы ценностных ориентаций, низким уровнем рефлексивности и самостоятельности. Феноменологически социальная идентичность проявляется в виде системы статусов (преждевременная, диффузная, мораторий, достигнутая позитивная идентичность и псевдопозитивная идентичность) [2,3] (рис. 1).

Рис. 1. Концептуальная схема исследования ассоциативно-диссоциативных механизмов регуляции социальной идентичности лиц, находящихся в местах лишения свободы

Диссоциативные механизмы поддерживают рассогласованность структурной организации идентичности, проявляющуюся в отчуждении собственных действий. Отчуждение собственного противоправного деяния приводит к высшим статусам идентичности. Ассоциативные механизмы обеспечивают согласованность структурной организации идентичности, что проявляется в принятии собственных действий и приводит в данном варианте к развитию делинквентной идентичности.

Общий объем выборки исследования составил 80 человек. В группу испытуе-

мых входили осужденные, отбывающие наказание в ФКУ ИК-№2 УФСИН России по Курской области. Экспериментальную группу составили 39 человек, осужденные за причинение вреда жизни или здоровью граждан по 105, 111, 112, 113, 114, 131, 132 статьям УК РФ (средний возраст $37,9 \pm 3,46$ лет). Контрольную группу составил 41 человек, осужденный за причинение вреда имуществу граждан по 158, 159, 162, 264, 288, 313, 325 статьям УК РФ (средний возраст 36 лет). Возраст испытуемых варьировался от 23 до 57 лет. Выборка уравнивалась по полу, количеству рецидивов и судимостей (табл. 1).

Таблица 1

Количественно-качественная характеристика выборки исследования

Критерий Группа	Общее кол-во		Возраст	Критерий форми- рования группы	Наличие рециди- вов (%)	Кол-во судимо- стей
Контроль- ная группа	39	м	22–57	Причинение вреда жизни и здоровью граждан	79,5	от 1 до 7
Экспери- ментальная группа	41	м	25–57	Причинение вреда имуществу граждан	82,9	от 2 до 8

В исследовании использовались эмпирические и статические методы. Эмпирические методы исследования: клиническая беседа; наблюдение. Основную часть эмпирического исследования составляют психодиагностические методы: методика изучения личностной идентичности (МИЛИ) Л.Б. Шнейдер [3]; методика исследования личностной идентичности (МИСОЛИ) В.Б. Никишиной [6,7], Е.А. Петраш; опросник «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой [8]; шкала диссоциации (DES) в адаптации Н.В. Тарабриной [9]; методика «Тень» В.Б. Никишиной, Е.А. Петраш, методика «Ассоциативный эксперимент» в адаптации В.Б. Никишиной [10].

Статистическая обработка полученных данных осуществлялась с использованием методов описательной статистики (описание средних значений (\bar{X}), моды (M_0), медианы (Me), среднего квадратичного отклонения (σ), минимального (min) и максимального (max) значений); сравнительной статистики (непараметрический U-критерий Манна-Уитни); корреляционного анализа по Спирмену (r -критерий ранговой корреляции). Расчет статистических показателей осуществлялся с использованием пакета прикладных программ Excel.

В результате исследования статусно-структурной организации идентичности у лиц, причинивших вред жизни или здоровью граждан, выявлено преобладание статуса преждевременной идентичности (38,5% испытуемых). У 25,6% испытуемых личностная идентичность является диффузной; у 20,5% испытуемых выявлен статус моратория идентичности; по 7,7% испытуемых характеризуются достигнутой позитивной и псевдопозитивной идентичностью. У лиц, причинивших вред имуществу граждан, выявлено преобладание статусов преждевременной и диффузной идентичности в равной пропорции (по 34,1% испытуемых). У 17,2% испытуемых выявлен статус моратория идентичности; по 7,3% испытуемых характеризуются достигнутой позитивной и псевдопозитивной идентичностью (рис. 2).

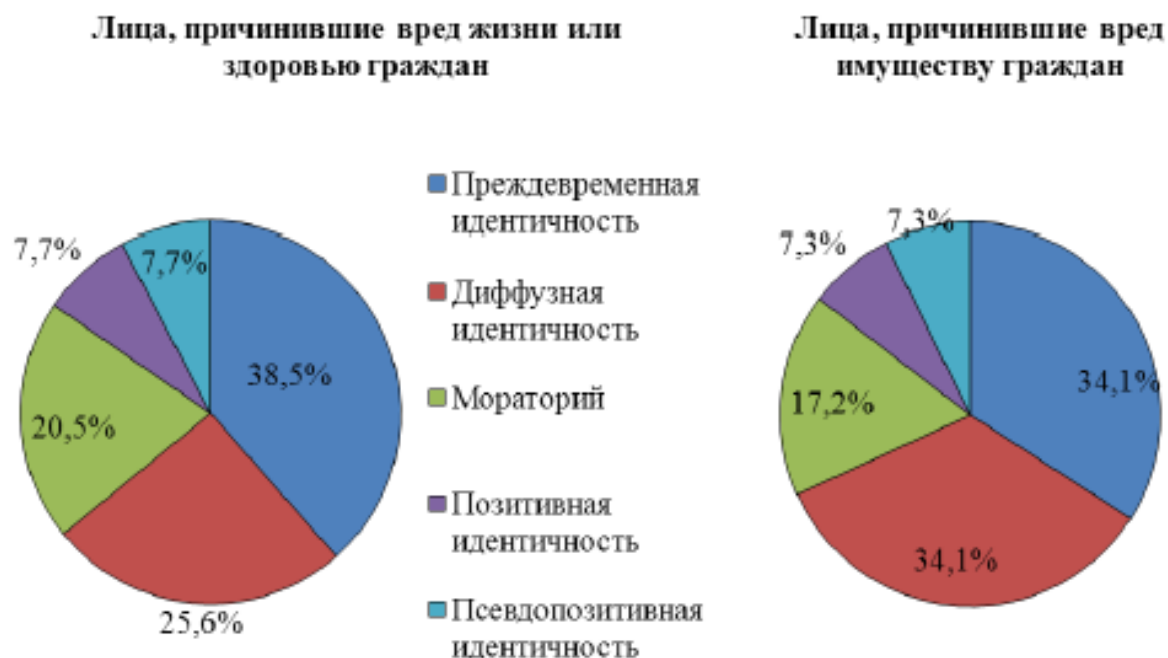

Рис. 2. Долевое распределение статусов личностной идентичности у лиц, находящихся в местах лишения свободы (%)

У лиц, причинивших вред жизни и здоровью граждан, выявлено преоблада-

ние статуса преждевременной идентичности, характеризующегося высокими

показателями авторитарности (подчинение авторитету) и низкими - по самостоятельности, отсутствием независимых жизненных выборов, отсутствием осознания идентичности. У группы лиц, причинивших вред имуществу граждан, выявлено преобладание статусов преждевременной идентичности и диффузной идентичности. Диффузная идентичность характеризуется отсутствием прочных целей, ценностей и попыток их активно сформировать. Критериями диффузной идентичности являются: средняя степень неудовлетворенности собой и своими возможностями; сомнение в ценности собственной личности, ответственность, граничащая с безразличием к собственному Я, потеря интереса к своему внутреннему миру; ригидность Я-концепции - нежелание меняться на фоне общего положительного отношения к себе; наличие внутренних конфликтов личности, сомнений, несогласий с собой, заниженная самооценка, что приводит к сомнениям в своей способности что-то изменить или предпринять; самообвинение, готовность поставить себе в вину свои промахи и неудачи, собственные недостатки ярко выражены.

В результате изучения структуры личностной идентичности лиц, причинивших вред жизни и здоровью граждан, выявлено преобладание низкого уровня согласованности структурной организации личностной идентичности, который характеризуется низким уровнем выраженности социально-психологической адаптации, неустойчивостью самоотношения и системы ценностных ориентаций, средним уровнем рефлексивности и авторитарности при высокой самостоятельности ($X \pm \sigma = 19,5 \pm 3,09$). В группе лиц, причинивших вред имуществу граждан, выявлено преобладание среднего уровня согласованности структурной организации личностной идентичности, который характеризуется средним уровнем выраженности социально-психологической адаптации, позитивным самоотноше-

нием, устойчивой системой ценностных ориентаций, средним уровнем рефлексивности, самостоятельности и авторитарности ($X \pm \sigma = 23,3 \pm 9,55$). Полученные результаты указывают на тенденцию к увеличению степени рассогласованности структуры личностной идентичности с увеличением степени тяжести совершенного противоправного деяния. Выявлена статистическая тенденция к увеличению степени рассогласованности структурной организации личностной идентичности при увеличении степени тяжести совершенного противоправного деяния, на что указывает отсутствие статистически значимых различий.

При исследовании системы саморегуляции у лиц, причинивших вред жизни или здоровью граждан, в системе произвольной саморегуляции поведения выявлено преобладание по параметрам «планирование» ($x \pm \sigma = 5,72 \pm 1,86$), «оценка результатов» ($x \pm \sigma = 5,21 \pm 1,42$), «гибкость» ($x \pm \sigma = 5,21 \pm 1,58$), «общий уровень саморегуляции» ($x \pm \sigma = 26,4 \pm 4,72$). Общий уровень саморегуляции соответствует диапазону средних значений. Высокие показатели планирования указывают на сформированность потребности в осознанном планировании деятельности, планы в этом случае реалистичны, детализированы, иерархичны и устойчивы, цели деятельности выдвигаются самостоятельно.

У лиц, причинивших вред имуществу граждан, выявлено преобладание по параметрам «планирование» ($x \pm \sigma = 5,15 \pm 1,85$), «гибкость» ($x \pm \sigma = 5,51 \pm 1,69$), «общий уровень саморегуляции» ($x \pm \sigma = 25,1 \pm 7,81$). Общий уровень саморегуляции соответствует диапазону средних значений. Высокие показатели гибкости характеризуют пластичность всех регуляторных процессов. При возникновении непредвиденных обстоятельств такие испытуемые легко перестраивают планы и программы исполнительских действий и поведения, способны быстро оценить из-

менение значимых условий и перестроить программу действий.

Осуществляя сравнительный анализ с использованием непараметрического U-критерия Манна-Уитни ($p \leq 0,05$) по параметрам саморегуляции поведения значимых различий не выявлено.

Изучение ассоциативно-диссоциативных механизмов регуляции поведения у лиц, находящихся в местах лишения свободы, осуществлялось в три этапа. На первом этапе осуществлялось изучение ассоциативных механизмов регуляции поведения; вторым этапом осуществлялось изучение диссоциативных механизмов регуляции поведения; задачей треть-

его этапа являлось изучение взаимосвязи ассоциативных и диссоциативных механизмов регуляции поведения с использованием метода корреляционного анализа.

В результате исследования ассоциативных реакций у лиц, причинивших вред жизни или здоровью граждан, на объектозначимые стимулы выявлено преобладание персевераторных, эхолических, отказных, междометных, вопросительных ассоциативных реакций при минимальной представленности или отсутствии классификационных, детерминационных, многозначных и грамматических ассоциативных реакций (рис. 3).

Рис. 3. Профиль ассоциативных реакций на объектозначимые и объектонезначимые стимулы у лиц, причинивших вред имуществу граждан, и лиц, причинивших вред жизни или здоровью граждан

В результате исследования ассоциативных реакций у лиц, причинивших вред имуществу граждан, на объектозначимые стимулы выявлено преобладание

ассоциаций по смежности, созвучных, персевераторных, отказных и вопросительных ассоциативных реакций при минимальной представленности класси-

фикационных, детерминационных, синкретических и грамматических ассоциативных реакций.

В результате показателей диссоциации с использованием методики «Тень» выявлен высокий уровень диссоциации у лиц, причинивших вред жизни или здоровью граждан, на что указывают высокие показатели разности высот основного изображения и тени ($\Delta d_1=2\pm 0,23$); разность максимального и минимального расстояний между основным изображением и тенью ($\Delta d_2=4\pm 0,69$), а также величина угла между основным изображением и изображением тени ($X\pm\sigma=27,0\pm 4,29$). В результате исследования с помощью шкалы диссоциации (DES) в адаптации Н. В. Тарабриной высокий уровень диссоциации у лиц, причинивших вред жизни или здоровью граждан ($X\pm\sigma=29,0\pm 4,73$). У лиц, причинивших вред имуществу граждан, также выявлен высокий уровень диссоциации, на что указывают высокие показатели разности высот основного изображения и тени ($\Delta d_1=0,6\pm 0,09$); разность максимального и минимального расстояний между основным изображением и тенью ($\Delta d_2=2,9\pm 0,57$); угол между основным изображением

и изображением тени ($X\pm\sigma=18,0\pm 2,64$). В результате исследования с помощью шкалы диссоциации (DES) в адаптации Н. В. Тарабриной высокий уровень диссоциации у лиц, причинивших вред имуществу граждан ($X\pm\sigma=27,0\pm 3,86$).

В результате корреляционного анализа показателей идентичности с показателями ассоциативных реакций и показателями диссоциации у лиц, причинивших вред жизни или здоровью граждан, выявлены статистически значимые обратнопропорциональные связи между показателем уровня диссоциации и структурной организацией личности. У лиц, причинивших вред имуществу граждан, выявлены статистически значимые прямопропорциональные связи между показателями качественной характеристики тени, качественной характеристики основного изображения и статусом идентичности. Выявлены статистически значимые обратнопропорциональные связи между показателем уровня диссоциации, экстраординарных ассоциативных реакций и структурной организацией личности (табл. 2).

Таблица 2

Значения коэффициентов корреляций ($p \leq 0,05$) показателей личностной идентичности и показателей регуляции поведения, системы ценностных ориентаций, ассоциативных реакций и показателями диссоциации у лиц, находящихся в местах лишения свободы

	Лица, причинившие вред жизни или здоровью граждан		Лица, причинившие вред жизни или здоровью граждан	
	Статусы идентичности	Структура идентичности	Статусы идентичности	Структура идентичности
c1	0,10	0,18	0,31*	-0,05
c2	0,25*	-0,01	0,33*	0,01
DES	-0,13	-0,25*	-0,16	-0,38*
Детерминационные	0,32*	-0,12	-0,22	0,14
Классификационные	0,45*	-0,10	-0,16	0,21
Экстрасигнальные	0,13	-0,23	-0,36*	-0,03

* – статистически значимые взаимосвязи

Полученные в ходе корреляционного анализа данные свидетельствуют о прямопропорциональной связи высоких показателей диссоциативных механизмов и высоким уровнем рассогласованности структурной организации идентичности, а так же об обратной пропорциональной взаимосвязи высоких показателей диссоциации с повышением статуса личностной идентичности.

В результате исследования ассоциативно-диссоциативных механизмов регуляции социальной идентичности лиц, находящихся в местах лишения свободы, выявлены следующие тенденции: с увеличением степени тяжести совершенного противоправного деяния возрастает степень рассогласованности структурной организации идентичности у лиц, находящихся в местах лишения свободы, которая поддерживается диссоциативными механизмами. Ассоциативные механизмы обеспечивают согласованность структурной организации идентичности, что проявляется в понижении статуса идентичности у лиц, находящихся в местах лишения свободы.

Список литературы

1. Официальный сайт ФСИН РФ. Статистические данные. Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых. – URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xarka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/>.
2. Marcia J.E. Identity in adolescence // Handbook of adolescent psychology / Ed. J. Adelson. -NY, 1980. – Pp.159-187
3. Шнейдер Л.Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2007. – 128 с.
4. Боженкова Р.К., Боженкова Н.А., Атанова Д.В. Проблемы современного социума: роль и функции эмоций в коммуникативных отношениях // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. –2012.– № 1.– С. 7-12.
5. Боженкова Н.А. Социокультурная составляющая современной логосферы: к постановке проблемы // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2012. – № 3(42). – С. 225–231.
6. Никишина В.Б., Петраш Е.А. Изменение структуры профессиональной идентичности на разных этапах профессионализации // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2009. – № 1.– С. 42-47.
7. Никишина В.Б., Петраш Е.А. Методика исследования личностной идентичности: методология и технология стандартизации // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – Т. 21. –№ 6 (177). – С. 254-261.
8. Моросанова В.И., Коноз Е.М. Стилевая саморегуляция поведения человека // Вопросы психологии. – 2000. – № 2. – С. 118–127.
9. Практическое руководство по психологии посттравматического стресса Ч. 1. Теория и методы / Н.В. Тарабрина, В.А. Агарков, Ю.В. Быховец, Е.С. Калмыкова, А.В. Макаручк, М.А. Падун, Е.Г. Удачина, З.Г. Химчян, Н.Е. Шаталова, А.И. Щепина; под общей ред. Н.В. Тарабриной. – М.: Изд-во «Когито-Центр», 2007. – 208 с.
10. Никишина В.Б. Диссоциативные механизмы состояния зависимости (на примере алкогольной зависимости) // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2013. – № 2 (47). – С. 192-198.

Получено 22.05.15